

ТОВАРИЩИ
ВЗРОСЛЫЕ,
ОБРАТИТЕ
ВНИМАНИЕ!

УТРО БЕЗ ГАЗЕТЫ

Вы можете представить себе утро без газет? Вдруг не принесут «Пионерку» и вы не узнаете, что приключилось с «Дрионом» дальше, как идёт экспедиция «Пионерский ТРОПЭКС», какие новые вести передаёт «Сигнал»? Будет очень обидно. О такой обиде рассказали ребята в своих письмах.

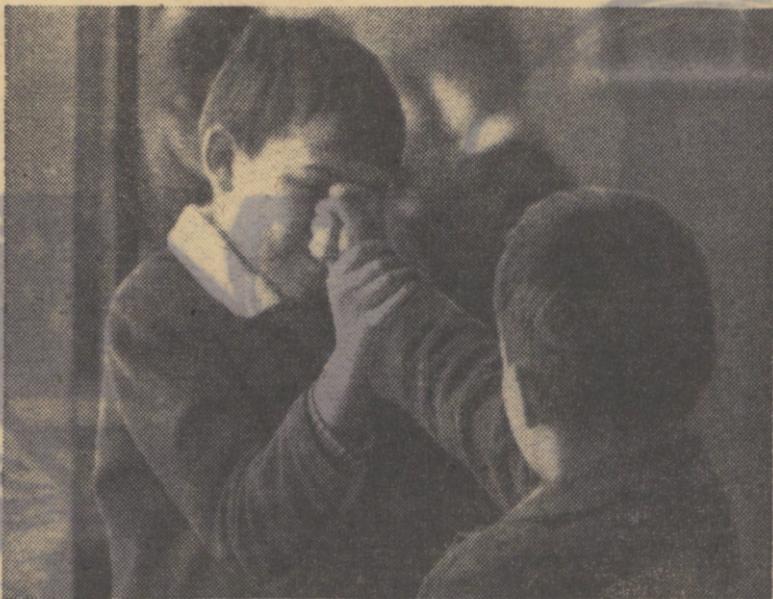
«Почему мне не приносят «Пионерскую правду» уже две недели?» — спрашивает Лилия Орлова, которая живёт в г. Ярославле по ул. Е. Ярославского в доме № 29.

«Мною выписана «Пионерская правда» на 1974 год. Переменила место работы, переадресовала газету по адресу: Ивановская область, Заволжский район, п/о Логинцево, п. Курень, — пишет О. Г. Маслова. — Но с 18 января газета к нам не поступает».

«В этом году для детей выписали вашу газету через школу № 44 г. Ульяновска, — сообщает Р. Р. Зайнуллов. — Но ни одного номера не получили. С кого теперь спрашивать?»

А ребята из аула Верхняя Мара Ставропольского края жалуются на почтальона, который почему-то доставляет почту один раз в неделю.

Товарищи взрослые! Сделайте так, чтобы почтальоны всем приносили «Пионерскую правду» вовремя.

МАЛЬЧИШКИ, МАЛЬЧИШКИ...

Все мальчишки весёлые, деятельные. Любят они кататься на лыжах, и если уж встают на них, то начинаются настоящие соревнования (снимок Серёжи Жандарова из села Потаповна Гомельской области «На лыжной прогулке»). А ещё любят помериться силой («Кто сильнее!»), снимок Коли Шестинцева. Его же нижний снимок под названием «Выдумщица».

Юные фотолюбители! Сообщаем вам: за лучшие снимки, опубликованные в газете в январе — феврале на фотовыставке «Остановись, мгновенье!», грамотами «Пионерской правды» награждаются: Миша Чигишев и Гриша Роговский из Омска, Женя Адаев из Удмуртии, Игорь Белковский из Челябинска, Шахин Айвазов из Тбилиси, Витя Камнев из Братска, Коля Кандауров из Мценска и Юра Севрюгин из Москвы. Наш конкурс продолжается.

ПО СЛЕДАМ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ

Тяжело было ребятам села Гаши. Много времени тратили они на дорогу. Им приходилось добираться в Алходжантскую среднюю школу пешком.

Сколько раз обращались они за помощью к директору совхоза, но всё оставалось по-прежнему.

Ранним утром поднимались ребята и по нескольку километров шагали в школу. Уставшие, садились за парты.

По просьбе редакции письмом гашинских ребят занялся исполком Канентского райсовета Дагестанской АССР.

Заместитель председателя исполкома товарищ Магомедов сообщил: сейчас ребят подвозят в школу на специально оборудованной машине.

цы — нейтрон и пи-ноль-мезон. Вот пи-ноль-мезон — это та частица, которая долго не живёт. Едва появившись, она тут же распадается на две частицы — на два гамма-кванта. Вроде её и не было. Но она была. Она пролетала здесь. Она прожила свою, пусть короткую, но интересную жизнь. И учёные хотят знать об этой жизни все подробности.

Как тут быть?

Делают так. На пути нейтрона ставят измерительный прибор и замеряют все характеристики его полёта. На пути гамма-квантов тоже ставят измерительный прибор: замеряют характеристики их полёта. А потом уже по всем этим сведениям пытаются восстановить исчезнувшую картину. Пытаются понять, что же такое там произошло и что это была за частица. То есть по осколкам восстанавливают целое. Конечно, это труднее, чем измерять целую, «живую» частицу. Но как иначе?

Частица пи-ноль-мезон за время работы ускорителя хорошо изучена. Рождается она часто, потому что она очень лёгкая, выбить её из атомного ядра не составляет особого труда.

А вот тяжёлую частицу икс-ноль-мезон выбить гораздо труднее. За время работы ускорителя она появлялась всего 56 раз. Поэтому изучена она недостаточно. Учёные радуются каждому её появлению как празднику.

А есть ещё, по-видимому, тысячи ча-

стиц, о которых мы совсем ничего не знаем и даже не догадываемся, что они есть. Может, одна из них появится сегодня? Или завтра? Открыть новую частицу — значит сделать ещё один шаг в глубь вещества.

ХОЧУ СТАТЬ ЗНАМЕНИТЫМ

У пульта управления сидит итальянский учёный Лючио Винчелли. На стене, рядом с приборами, висит цветная картинка с видами Италии — зелёные горы, голубое небо, море. Для Лючио это то же самое, что для нас берега Волги, берёзовые рощи.

Я спрашиваю у него: какая цель, какая мечта заставила его покинуть родной дом и приехать сюда, где вместо тёплого моря — снег, мороз?

Он улыбается:

— Все мы мечтаем стать знаменитыми.

Потом серьёзно:

— Здесь я могу увидеть то, чего ещё никто не видел.

А. ЛЕЛЬЕВР.

(Наш специальный корреспондент)

Московская область,
посёлок Протвино,
Институт физики высоких энергий.

«ДРИОН» ПОКИДАЕТ ЗЕМЛЮ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Первым тяжёлую тишину нарушил Пётр Лапин. Он встал, одёрнул гимнастёрку и спросил:

— А чем она лечит от этой самой гуоллы, Николай Фёдорович? Ведь людей-то эвона, два миллиарда! Пока каждому сунешь по шпатель, тысяча лет пройдёт!

— Причём тут шпатель, Пётр Иванович! Она выпускает в атмосферу планеты какой-то газ. Люди дышат, частички газа мгновенно проникают в клетки организма, и в результате меняется весь характер людей. Они становятся медлительными и благодушными, как черепахи.

— Значит, газом травит, — злобно подвёл Лапин. — А как вы думаете, Николай Фёдорович, что это на ней за одежка? Пуля её пробьёт или нет?

— Вы к чему это, Пётр Иванович? — А к тому, что если эту «красивую, умную, добрую» не удастся угорворить по-хорошему, то неплохо бы с ней поступить, как с обычной контрой!

— Не торопитесь, Лапин! — оставив его Плавунцов.

Но Лапин продолжал с той же энергией:

— Если пуля — это незаконно и некультурно, то можно и по-другому. Можно просто связать её, чтоб двинуться не могла, кинуть через се-

Продолжение. Начало см. «Пионерскую правду» №№ 6, 8, 9, 11—17, 20.

дло и умчаться в Шураб. А уж там с ней разберется. А «Дрион» этот нашему Советскому государству представим. Как вам такой план?

Опять поднялся шум. Радикальные меры, предложенные Лапиным, не всем пришлись по душе. Тогда он махнул рукой и сел, показывая своим видом, что никто его не переубедил.

Слова попросил Искра.

— Мне понравилась решительность Петра, — сказал он. — Но к Мизель, мне кажется, такие меры не применимы. Возьмёт ли её ещё пуля? Она посетила уже несколько сот планет, и нигде с ней ничего не случилось...

— А у нас случится! — крикнул Лапин.

— Погоди, Пётр, я не кончил. Думаю, что будет правильнее спокойно убедить Мизель в нашей правоте. Она ведь ещё не сказала, что собирается нас лечить. Ведь не сказала, Николай Фёдорович?

— Прямо не сказала, но я так всё понимаю. Она нас не понимает. — Надо сделать так, чтобы поняла. У нас в руках судьба всей планеты.

— Ладно, попробуем...

Все понимали, что это малонадёжное средство, но оно было единственным, и это тоже все понимали.

И вот настал час прихода Мизель. Встретить её послали Наташу, Искру и Расульчика. В палатке Плавунцова навели порядок, зажгли свечи. Служившие столом три пустых ящика из-под консервов накрыли чистыми полотенцами.

С каждой новой встречей людей

удивляли те разительные перемены, которые происходили с Мизель. Теперь в палатку вошла энергичная женщина, с горящими золотистыми глазами, с властным выражением лица. Это была та же Мизель, в той же серебристой одежде, но что-то новое появилось в её прекрасных чертах, и назвать её «добрый» никто бы теперь не решился.

Она стремительно вошла в палатку и обвела присутствующих лучистым взглядом. Плавунцов, Лапин и Карцев встали, как по команде, и молча ей поклонились. Мизель прошла к столу и села на приготовленный для неё раскладной стульчик. Вошедшие вслед за ней Искра, Наташа и Расульчик присели на кошку у входа. Карцев и Лапин тоже опустились на свои места. Стоять остался один Плавунцов. К нему Мизель и обратилась:

— Я ничего не сказала вам о результатах, друг мой, потому что не хотела огорчать вас преждевременно своим личным мнением. Все полученные от вас и вашего друга сведения поступили в координатор «Дриона». Его совет я и пришла вам сообщить. Разум, поражённый гуоллой, лишь в очень редких, абсолютно исключительных случаях обладает способностью справиться с болезнью собственными силами. Решить вопрос о том, представляет ли цивилизация вашей планеты именно такой исключительный случай, координатор «Дриона» не может. Это под силу только Великому Координатору Союза Тысячи Планет. Ответственность слишком большая. Прежде всего координатор «Дриона» посоветовал попытать вас ещё раз. Вы должны

ответить на мой вопрос. Скажите, у вас есть враги?

Плавунцов медлил с ответом, взглядом советовался с друзьями. Каждый незаметно кивнул ему.

— Да, Мизель. У меня есть враги, — твёрдо сказал Плавунцов. — Я сторонник мира, труда, равенства и братства для всех людей. Тот, кто тянет человечество в бездну гнёта, бесправия и жестокости, мой заклятый враг. Проще сказать, я против гуоллы, а все, кто за неё, мои враги.

— Это понятно. А теперь скажите, друг мой. Борюсь со своими врагами, вы способны щадить их?

На сей раз Плавунцов не колебался:

— Смотря при каких обстоятельствах. Если враги признают себя побеждёнными и сдаются, я дарю им жизнь и возможность исправиться. Это один из принципов нашего гуманизма.

— Хорошо. А теперь представьте себе такую ситуацию. В бою ваш заклятый враг загнал вас на край пропасти. Ваша гибель в этой пропасти неизбежна. Но у вас ещё есть возможность увлечь в эту пропасть и врага. Как бы вы в такой ситуации поступили — подарили бы ему жизнь или заставили бы его разделить вашу гибель?

Плавунцов провёл рукой по бороде и пожал плечами.

— Странный вопрос, — заговорил он хрипло. — Вы говорите, что ситуация ваша возникла в бою? Так сказать, в пылу сражения?

— Да, в сражении, в бою.

— Если бой, так бой! — решился наконец Плавунцов. — В бою за правое дело я не могу щадить ни себя, ни врагов.

— Благодарю вас за откровенность, друг мой.

Мизель обвела присутствующих взглядом. Все с напряжением ждали, что она скажет. И она сказала:

— От имени Союза Тысячи Планет, посланного меня, считаю своим долгом объявить вам, друзья мои, что ваше человечество страдает гуоллой в самой тяжёлой форме и что в силу этого лечение вашей планеты неизбежно. Последнее испытание, проделанное мною по совету координатора «Дриона», полностью подтверждает это.

— И это решение нигде и ни перед кем нельзя опротестовать?

— Нет, нельзя.

И снова тишина, давящая, страшная, как тишина глубокого подземелья. Оборвал её резкий, полный неукротимой ярости голос Петра Лапина:

— Ну, это уж слишком! Что мы у неё пешки какие-нибудь? Ещё посмотрим, кто кого!

(Продолжение следует)